

С того самого момента, как Цзян Цун получил ранение, в его душе поселилось дурное предчувствие. Худшие опасения подтвердились: простая перевязка не могла остановить воспаление, и рана начала постепенно гноиться.

По ночам, скрываясь от чужих глаз, он сам вычищал омертвевшую плоть ножом, закусывая губы до крови, чтобы не издать ни звука. Однако без лекарств и помощи лекаря жар всё равно охватил его тело.

Теряя сознание, он горько думал, что из четырех тысяч ли этого пути ему вряд ли удастся одолеть и половину.

Острая боль в спине вырвала его из вязкого забытья. Мужчина открыл глаза и увидел перед собой знакомые лица. Сознание прояснилось мгновенно: спасли.

Сначала все не на шутку перепугались, когда носилки с грохотом рухнули оземь, но никто не ожидал, что именно этот удар заставит раненого очнуться. Ли Цинчжо бесцеремонно оттолкнул старшего брата в сторону и с привычно бесстрастным видом спросил:

— Как ты? Где именно чувствуешь дискомфорт?

— Пить... — выдавил Цзян Цун.

Его взгляд медленно скользнул по Ли Цинжюю и Ли Цинвэню, и в глубине черных зрачков отразилось потрясение.

— Вы... как вы здесь оказались?..

Но время и место явно не располагали к долгим объяснениям. Стражники, быстро теряя терпение, принялись зычно кричать, подгоняя колонну.

Ли Цинжуй и Ли Маоцунь поспешно подхватили носилки. Ли Цинвэнь, смочив пальцы водой, осторожно прикоснулся к побелевшим, потрескавшимся губам благодетеля.

— Старший брат Цзян, ты всё еще помнишь нас?

Цзян Цун не получал писем, которые отправлял ему Ли Цинжуй, и не знал, что юноша давно оправился от своего недуга. Когда они виделись в последний раз, этот ребенок был лишь красивым, но отрешенным «дурачком». Теперь же перед ним стоял смысленный малый, чьи темные глаза лучились живым умом.

— Ли Цинвэнь... — раненый едва заметно улыбнулся.

Из-за крайней слабости улыбка лишь на миг промелькнула в его взгляде, но юноша пришел в полный восторг от того, что его узнали. Его пальцы, смоченные водой, задвигались еще бодрее.

— Всё верно! Это я! Пей скорее, брат Цзян.

Цзян Липин тоже не скрывал радости. Позвякивая тяжелой колодкой, он подошел ближе к носилкам.

— Цзян Цун, ты и представить не можешь, в какой беде был. Если бы не братья Ли, подоспевшие вовремя, мы бы с тобой уже в разных мирах свиделись.

Благодетель промолчал, но в душе понимал: его буквально вытащили с того света, когда он уже стоял на пороге вечности.

Пробуждение Цзян Цуна воодушевило всех. Усталость от долгого пути словно рукой сняло, и отряд, прибавив шагу, вскоре добрался до почтовой станции.

На этой станции не было специального помещения для каторжан, поэтому всех загнали в одну большую общую комнату. Четверо Ли устроились там же.

Как только раненого устроили на месте, Ли Цинчжо тут же принялся проверять его пульс и осматривать рану.

Ли Цинжуй наконец смог поприветствовать друга как подобает. Он первым делом сообщил, что дома всё благополучно, а затем представил младшего брата и дядю.

— Господин благодетель, не тревожьтесь ни о чем. Набирайтесь сил, а если что понадобится — только скажите. Мы четвером за вами присмотрим.

Лицо Цзян Цуна было землистого цвета.

— Старший брат Ли, ты старше меня, зови меня просто по имени... Простите, что навлек на вас такие хлопоты.

Тот замахал руками:

— Разве брат Цзян думал о «хлопотах», когда спасал нас с отцом и вторым братом? Вот и мы сейчас чувствуем то же самое!

Видя, как мужчина изнурен, Ли Цинжуй не стал докучать ему разговорами. Наказав раненому отдыхать, он вышел во двор, чтобы развести огонь и согреть лекарство.

Пока лекарь разбирал аптечку, Ли Цинвэнь с любопытством разглядывал Цзян Цуна. Осунувшееся лицо с резко очерченными скулами, прямые брови, высокий нос... Широкие плечи и крепкое сложение уже не имели ничего общего с юношеской хрупкостью. Это был рослый, сильный человек — неудивительно, что двоим взрослым было нелегко нести его на носилках.

«А ведь ему нет и двадцати...»

Взгляд юноши был настолько прямым и бесхитростным, что Цзян Цун быстро это почувствовал и медленно повернул голову к нему.

В этот миг в памяти Ли Цинвэня вдруг вспыхнула сцена из сна, которую он видел бесконечное множество раз. Он невольно спросил:

— Брат Цзян, а как твоя рана на руке? Давно зажила?

Мужчина явно не ожидал, что мальчишка всё еще помнит о ранении многолетней давности. Он с трудом приподнял руку.

Когда они обтирали его в тюрьме, Ли Цинвэнь из-за суеты не обратил внимания на это место. Теперь же он подался вперед и увидел у самого плеча багровый шрам толщиной в палец. Глядя на этот уродливый, вздувшийся рубец, он живо представил, насколько глубоким был тот сабельный удар, и невольно втянул сквозь зубы воздух.

— Теперь-то испугался? — Цзян Цун опустил руку. — А ведь тогда ты и глазом не моргнул, когда на тебя клинок опускался.

Тот леденящий кровь миг навсегда врезался в память не только семьи Ли, но и самого благодетеля.

Ли Цинвэнь со вздохом ответил:

— Тогда я ничего не смыслил, вот и страха не знал.

— А сейчас?

Юноша серьезно кивнул:

— Сейчас знаю.

— Путь в Пограничный город полон опасностей, — Цзян Цун прикрыл глаза, его кадык дернулся. — Не боишься?

Ли Цинвэнь выпятил свою щуплую грудь и с непоколебимой уверенностью заявил:

— Один бы я точно испугался. Но когда нас так много — совсем не страшно.

Вошел Ли Цинжуй с чашей лекарства. На этот раз раненый смог выпить его сам, без посторонней помощи.

Сумерки сгустились быстро. Стражники бросили каторжанам два мешка с сухим пайком, заперли дверь снаружи и отправились в трапезную пить вино и есть мясо.

Люди, изголодавшиеся за день, тут же бросились к мешкам. Цзян Липин откусил кусок лепешки и тут же выплюнул его с отвращением.

— Тьфу! Да в них же плесень одна! Разве это еда для людей? Псы шелудивые, даже каторжный паек умудряются обкрадывать!

По закону каторжанам полагалась определенная норма провианта, которую должны были выдавать ямэни по пути следования. Эти лепешки предоставила управа уезда Люшань.

Остальные тоже попробовали паек, и их лица исказились в гримасах. Превозмогая тошноту, они заталкивали еду в глотки.

— Гадость редкостная, а есть надо. Не поешь — ноги протянешь, а завтра снова в путь...

— Ешьте, братья, ешьте. Раз уж дошли до такой жизни, привередничать не приходится. Радуйтесь, что живы остались, эх...

— А ведь было время, когда чинуши из управ нам в рот заглядывали, за честь почитали, если мы их приглашение к обеду принимали! А теперь потчуют гнилью, которую и нищий не возьмет!

В комнате поднялся гул возмущенных голосов. Эти бывшие столичные гвардейцы привыкли к совсем другой жизни, и нынешнее падение тяжким бременем лежало на их душах.

Цзян Цуну, как раненому, сварили пшено в глиняном горшочке — семья Ли специально подготовила это для него. Сами же Ли ели привезенные из дома гаоляновые лепешки.

Ли Цинжуй потратил немало серебра на взятки в ямэне, покупку мула и повозки, так что оставшиеся крохи он берег как зеницу ока. Всё необходимое для четверых они взяли из дома.

После скудного ужина, под аккомпанемент ругани, люди начали засыпать прямо на полу. Ли Цинчжо осмотрел раны на спине Цзян Липина.

В деле о сожженных подношениях Цзян Липин и Цзян Цун были старшими офицерами. За недосмотр им обоим всыпали по сто палок, и эти раны до сих пор не зажили до конца.

Нанеся мазь, Цзян Липин поблагодарил лекаря. Помощь семьи Ли была для них неоценимым благом.

Нога Цзян Цуна больше не кровоточила, и рана выглядела уже не столь пугающе. Ли Цинчжо несколько раз сильно нажал на ткани вокруг поврежденного места. Когда едва затянувшаяся кожа лопнула и наружу снова потекла сукровица, Ли Цинвэнь не выдержал:

— Второй брат...

Тот остался глух к его возгласу. Он протянул Цзян Цуну чистый платок, а сам, крепко сжав рукоять ножа, принялся методично вычищать края раны.

Мужчина проявил недюжинную стойкость: он не стал закусывать платок, лишь глухо охнул в самом начале, а после не издал ни звука.

Ли Маоцюнь держал лампу, освещая место операции, и даже он невольно содрогнулся от увиденного.

Кровь залила бедро, но Ли Цинчжо не останавливался. Наконец, он с силой выдавил скопившийся внутри гной — густая желтоватая жидкость потекла из раны.

Затем лекарь промыл всё крепким вином. В отличие от прошлого раза, когда Цзян Цун был без сознания, сейчас боль была невыносимо острой и ясной.

Ли Цинвэнь видел, как всё тело раненого содрогнулось от этой пытки. Как только брат закончил, он тут же бросился вытирать пот и кровь.

Цзян Цун, покрывшийся испариной от боли, оперся на локоть и поблагодарил Ли Цинчжо.

Тот лишь махнул рукой и протянул ему синий флакон.

— Не стоит благодарности, брат Цзян. Эту процедуру придется повторить еще не раз, пока не

выйдет весь гной. Чтобы восстановить силы, принимай эти пилюли трижды в день.

Услышав, что подобную экзекуцию придется пережить еще десятки раз, Ли Цинвэнь ощутил, как у него похолодело внутри.

После целого дня пути все были измотаны до предела и вскоре забылись тяжелым сном.

Среди ночи Цзян Цун почувствовал нужду. Он попытался приподняться, задев одеяло соседа.

Юноша днем почти не нес носилки и, зная, как устали остальные, настоял на том, чтобы спать рядом с благодетелем. Боясь случайно задеть его рану, он спал чутко, и стоило тому шевельнуться, как Ли Цинвэнь тут же открыл глаза.

Цзян Цун прошептал, чтобы тот лежал, мол, он сам справится, но Ли Цинвэнь и слушать не захотел. Не давая ему подняться, он сходил к двери и принес ночной горшок.

Опасаясь, что раненый неловким движением повредит ногу, юноша замер рядом, не сводя с него глаз. Цзян Цун заметно смутился, и воцарилась неловкая тишина.

Ли Цинвэнь еще не совсем оправился ото сна, голова его была тяжелой. Видя, что у того ничего не выходит, он принялся негромко посвистывать, как делают матери, приучая детей к горшку.

«Совсем за ребенка меня держит...»

Мужчина со вздохом мягко повернул голову мальчика в другую сторону, справил нужду и отставил сосуд.

Затем он потянул Ли Цинвэня обратно на лежанку и тихо сказал:

— Устал за день, спи скорее.

Юноша уже окончательно проснулся.

— Брат Цзян, рана сильно болит?

Тот покачал головой, но Ли Цинвэнь ему не поверил.

— Второй брат говорит, что если не болит — это еще хуже. Если ты совсем ничего не чувствуешь, значит, дело дрянь.

Боясь разбудить остальных, Цзян Цун поправил сбившуюся подушку под головой мальчика и прошептал:

— Болит. Просто не так сильно, как раньше.

Ли Цинвэнь удовлетворенно кивнул.

— Ты не бойся нас утруждать. Главное — вылечить ногу. Нужно понимать, что сейчас важнее всего...

Слушая его рассудительный тон, Цзян Цун невольно улыбнулся. Он легонько щелкнул собеседника по носу.

— Раньше ты был таким молчаливым, слова не вытянешь, а теперь, оказывается, говорлив не в меру. Целые лекции читаешь.

Юноша замер, словно его поразило молнией. Спустя мгновение он вдруг выпалил:

— Ты... ты, кажется, руки не помыл...

Мужчина оторопел, а затем едва сдержал смех.

— Виноват, каюсь.

Ли Цинвэнь уткнулся лицом в подушку. В конце концов, днем он сам поил его водой, лишь слегка сполоснув руки...

После изнурительного дня все спали без задних ног. Ли Цинвэнь даже снов не видел — казалось, он только закрыл глаза, как пришло время выступать.

То ли лихорадка не отступила до конца, то ли вчерашняя чистка раны дала о себе знать, но на второй день жар у Цзян Цуна снова усилился. Он выпил три целых горшка целебного отвара, осушая их почти залпом.

Юноша невольно задумался.

«Неужели это лекарство отличается от того, что давали мне?»

Он тайком лизнул каплю снадобья и тут же горько пожалел о своем любопытстве.

В этот день Ли Цинвэнь не только натер ладони в кровь, но и сбил ноги. Ступни покрылись водянистыми мозолями, и каждый шаг по острым камням отдавался пронзительной болью в самой макушке.

Когда он в очередной раз скривился от боли, он поймал на себе взгляд Цзян Цуна.

— Брат Цзян, — спросил он сквозь зубы, — как думаешь, что больнее: когда мясо жгут крепким вином или когда камни давят на мозоли?

Мужчина посмотрел на его ноги и ответил:

— И то, и другое больно.

Цзян Липин и остальные, услышав это, разразились громким хохотом. Смех был настолько зычным, что пролетавшие мимо птицы в ужасе шарахнулись в стороны.

По обе стороны тракта расстилались пожелтевшие поля. Опавшая листва устилала землю, и в этом осеннем пейзаже сквозила суровая тишина.

Крестьяне готовились к зиме. На проселочных дорогах часто встречались люди с коромыслами. Кто-то с любопытством поглядывал на колонну каторжан, кто-то тыкал пальцем и шептался — и вряд ли эти слова были добрыми.

На вторую ночь они снова остановились на почтовой станции. На этот раз Цзян Липин и его товарищи наотрез отказались есть заплесневелые лепешки. Они втайне сунули немного денег Ли Цинжюю, чтобы тот договорился со смотрителем о нормальной еде.

Смотритель, получив серебро, охотно пошел навстречу: сварил большой котел гаоляновой каши и нарезал миску солений. Даже такой простой обед показался ссыльным верхом блаженства.

Хотя законы империи строго регламентировали содержание каторжан, простым людям, пострадавшим от произвола властей, жаловаться было некому. Что уж говорить о преступниках — побои и издевательства были делом обычным, и никого не заботило, сыты ли они.

За эти дни Цзян Липин и его люди натерпелись немало обид и лишений, но им оставалось только смиренно склонить головы.

За два дня они одолели более ста ли. Ли Цинвэнь так устал, что веки его слипались сами собой. Он хотел лишь присесть на край кана на минутку, но стоило ему опуститься, как голова тут же бессильно склонилась.

Цзян Цун давно заметил, с каким трудом мальчик держит глаза открытыми. Видя, что тот вот-вот упадет, он подхватил его и уложил рядом с собой.

Ли Цинвэнь спал беспробудным сном, не чувствуя ничего вокруг. В уголке его рта показалась тонкая ниточка слюны.

В этом безмятежном сне он снова стал похож на того ребенка, которого Цзян Цун встретил когда-то в лесу. Мужчина нахмурился: воспоминания о той встрече казались туманными и зыбкими, словно тени. Не желая больше терзать себя мыслями, он осторожно вытер губы спящего мальчика.

<http://bllate.org/book/15828/1436238>